

ТОРГОВЫЕ ПУТИ И АНТИЧНЫЙ ИМПОРТ НА СРЕДНЕМ И ВЕРХНЕМ ДОНУ

А. П. Медведев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 января 2024 г.

Аннотация: рассматриваются сведения античной традиции о торговых путях вверх по Танаису-Дону. Анализируются археологические находки античного импорта на Среднем и Верхнем Дону, пик которого приходится на IV в. до н.э. Вторая волна распространения продукции античных центров датируется уже римским временем. Устанавливается определенная зависимость этногеографической информации греческих и римских авторов от направления и интенсивности торговых связей дальней варварской периферии Восточной Европы с античными центрами Причерноморья.

Ключевые слова: Геродот, Танаис, Ольвия, древние торговые пути, античный импорт, амфоры, престижная посуда, украшения, детали костюма.

Abstract: the article deals with information from the Greek and Roman tradition concerning trading routes up the Tanais (Don) River. The author analyses archaeological finds of Greek imports in the Middle and Upper Don regions, which peaked in the 4th century BC. The second wave in the spread of imported products dates back to the Roman period. The ethnogeographic information given by Greek and Roman writers may depend on the direction and intensity of trading connections between remote barbarian periphery of Eastern Europe and Greek cities and towns of the Black Sea region.

Key words: Herodotus, Tanais, Olbia, ancient trading routes, Greek and Roman imports, amphorae, high-class ware, jewelry, costume pieces.

Одной из актуальных тем современного антиковедения является проблема взаимодействия античного и варварского миров на Юге Восточной Европы. В раннем железном веке в Северном Причерноморье появлялись первые греческие апойкии, перераставшие в города. Не случайно большинство из них были основаны в низовьях или устьях больших восточно-европейских рек, которые служили для греков естественными торговыми магистралями. Очень рано их экономическая активность вышла за узкие рамки приморской полосы и распространилась внутрь Барбарикума [1]. Об этом мы имеем прямое свидетельство Геродота, описавшего в V в. до н. э. торговый путь из Гавани борисфенитов-Ольвии на далекий северо-восток за пределы Скифии [2, с. 107–109].

«Если перейти реку Танаис, то там уже не скифская земля, но вначале область савроматов, которые, начиная от самого дальнего угла озера Меотиды, населяют на расстоянии пятнадцати дней пути по направлению к северному ветру страну, лишенную и диких, и культурных деревьев. Выше их живут будины, занимающие другую область, всю поросшую разнообразным лесом. Выше будинов к северу идет

сначала пустыня на расстоянии более семи дней пути. За пустыней, если отклониться в сторону восточного ветра, живут тиссагеты, племя многочисленное и особое; живут они охотой. Рядом с ними в тех же самых местах обитает племя, имя которому ирки. Они также живут охотой... Выше ирков, если отклониться к востоку, живут другие скифы, отложившиеся от царских скифов и по этой причине прибывшие в эту страну.

До страны этих скифов вся земля, уже описанная мной, представляет плодородную равнину, а дальше земля каменистая и неровная. Если пройти большое расстояние этой неровной страны, то у подножья высоких гор обитают люди, о которых говорят, что они все – и мужчины, а также женщины – плешивые от рождения, курносые и с большими подбородками... название этого народа – аргиппей» (Herod.: IV, 21–23).

После известной статьи Б. Н. Гракова [3] исследователи практически единодушны в том, что в основе геродотового рассказа о народах «за Танаисом» лежала древняя перизгеса – описание торгового пути из Гавани борисфенитов к далеким приуральским аргиппеям и исседонам. На это указывает и сам Геродот, завершая описание словами: «Вот до этих плешивых (т. е. аргиппеев. – А. М.) о земле и о племенах, живущих перед ними, есть ясные сведения, так как до них добирается и кое-кто из скифов, у

которых нетрудно разузнать, а также и у эллинов, как из гавани Борисфена, так и из других понтийских гаваней. А скифы, которые к ним прибывают, договариваются с помощью семи переводчиков, на семи языках» (IV, 24). Именно наличие весьма достоверного источника вроде перизгесы и связанных с ней устных рассказов торговцев, ходивших этим путем, позволило пытливому взгляду Геродота проникнуть глубоко внутрь практически неизвестного его современникам материка.

Ряд специалистов не без оснований допускают возможность столь далеких путешествий не только скифских купцов, но и самих ольвийских греков и даже находят в геродотовом описании аргиппеев признаки автопсии. Филологический анализ указанной выше фразы о путешествиях к аргиппеям в одинаковой мере допускает два равноценных ее перевода, в том числе и такой: «не только некоторые из скифов, но и некоторые из эллинов ходят до земли плешивых». М. В. Скржинская обратила внимание на то, что

только грек мог сравнить размер местного дерева «понтик» с обычным для него фиговым, а плод его, из которого аргиппеи приготавливали свой напиток «асхи», с бобом, так как для скифов бобы и особенно фиго были чуждыми культурами [4, с. 99–100].

В целом, изучение этногеографических описаний окраинных областей ойкумены в «Истории» Геродота демонстрирует одну любопытную закономерность [5]. Он располагает более подробной и оригинальной информацией о тех народах, через земли которых проходили торговые пути (рис. 1). Например, по течению р. Гипанис (Южный Буг), служившей важнейшей торговой артерией западной части Скифии, Геродот знает четыре народа: каллипидов, ализонов, скифов-пахарей и невров, далее – земля безлюдная (IV, 17). Даже о неврах Геродоту удалось собрать оригинальные этнографические сведения (IV, 105). Следует обратить внимание на то, что и здесь в качестве своих осведомителей он называет не только скифов, но и эллинов, которые живут в Скифии.

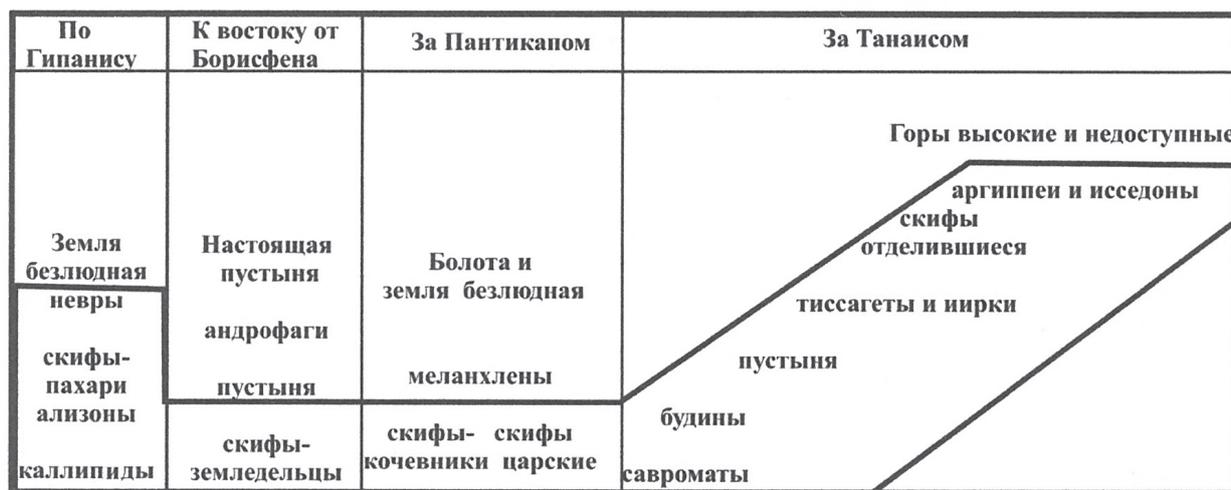

Рис. 1. Схема. Глубина проникновения взгляда Геродота на периферию Скифии

По интересующему нас участку пути, связанному с р. Танаис, также упоминается не менее четырех этносов: савроматы, будины, тиссагеты и обитающие рядом с ними иирки (IV, 21–22). Причем два последних народа определенно локализируются уже в лесной зоне. В отличие от Днепра-Борисфена (IV, 53), Геродот знает Танаис вплоть до его верховий в земле тиссагетов (IV, 123)¹. Кроме того, после поворота этого пути на восток, в сторону Приуралья, путеше-

ственным известен еще ряд отдаленных народов: «скифы отделившиеся», аргиппеи, исседоны. В совокупности на этом пути торговцы пересекали земли семи народов, говоривших на разных языках, для чего, по рассказу Геродота, и требовались семь переводчиков. Археологические находки зеркал так называемого ольвийского типа VI – начала V в. до н. э., античных монет V–IV вв. до н. э. и пр. дают определенные основания некоторым ученым допускать, что скифские или эллинские купцы могли проходить весь этот путь до Урала [6–8].

1. Скифское время. Если говорить о торговле населения Среднего Дона скифского времени с античными соответствующими геродотову перечню савроматов, будинов и тиссагетов.

¹ На высокую степень достоверности сведений «Скифского логоса» о местоположении основных затанаисских племен указывают и независимые данные археологии, свидетельствующие о сосуществовании по берегам Дона в скифское время трех различных археологических культур (савроматской, среднедонской, городецкой), территориально весьма точно

ными городами Причерноморья, то она находит прямое подтверждение в распространении здесь античного импорта [9]. На берегах Среднего и Верхнего Дона найдено не менее 50 целых греческих амфор, т. е. в каждом четвертом раскопанном кургане скифского времени (рис. 2, 1). В Античном мире они служили основной тарой для перевозки вина и масла. На некоторых амфорах сохранились имена гончаров и астиномов, удостоверявших соответствие объема сосуда принятому в данном греческом полисе стандарту (рис. 2, 1а). О том, каков был размах импорта в керамической таре, указывает то обстоятельство, что на Среднем Дону в курганных погребениях амфоры преобладают над местной посудой, которая к тому же иногда изготавливалась в подражание античным формам. Как и у скифов, амфора с вином с V в. до н. э. стала на Дону весьма распространенным атрибутом погребального ритуала. Кроме того, амфорный бой часто встречался в насыпях в составе тризн, в траурный ритуал которых также входил принесенный греками обычай винопития. Пик притока греческих амфор на Средний Дон приходится на 2–3-ю четверть IV в. до н. э. [10, с. 19–23].

Среди амфор из среднедонских курганов половину составляли гераклеийские, отдельные экземпляры представлены фасосскими и псевдофасосскими, синопскими, колхидскими, типа «Пепарет II», Солохи, Менды и др.² Пять амфор имели клейма магистратов (Архестрат, Эвридам, Писистрат, Агатон, Аристипп). Самая северная находка гераклеийской амфоры с клеймами Архестрата и фабриканта Писистрата обнаружена в погребении воина в кургане № 38 Староживотинного могильника на р. Воронеж [11, рис. 4, б].

Фрагменты античных амфор изредка встречаются на городищах и поселениях среднедонской культуры скифского времени. По подсчетам Ю. Д. Разуваева, на 30 городищах VI–IV вв. до н. э., в той или иной мере подвергавшихся раскопкам, найдено не более 800 фрагментов амфор, в большинстве своем – непрофильные части [12]. Центры их производства практически совпадают с амфорами, найденными в курганах. Отметим, что на верхнедонских городищеских поселениях фрагменты античных амфор не встречаются ни разу. К северу и востоку от земли среднедонских будинов греческие амфоры практически не встречались.

Амфоры из среднедонских курганов могут однозначно рассматриваться как греческий импорт и археологический след того пути из Ольвии к уральским аргиппеям, который описал Геродот. При этом часть ходового товара – амфоры с вином – приобреталась

элитой здесь, на месте, и в конечном итоге отлагалась в среднедонских курганах в составе сопровождающего инвентаря. Но на сегодняшний день самые ранние свидетельства проникновения античного импорта вглубь Донской лесостепи обнаружены не в курганах, а на городищах. Так в среднем слое Пекшевского городища встречены фрагменты амфор, изготовленные в одном из ионийских центров не позднее второй половины VI в. до н. э. [13, с. 84–85].

Отметим еще одну существенную хронологическую деталь – большинство амфор из среднедонских курганов датируются послегеродотовым временем в пределах IV в. до н. э., хотя известны находки в курганах V в. до н. э. Но всплеск торговой активности пришелся уже на следующий век, когда в устье Дона начал функционировать новый мощный торговый центр – Елизаветовское городище [14]. Скорее всего, в IV в. до н. э. именно отсюда шла основная масса поставок вина на Средний Дон.

Помимо амфор в состав сопровождающего инвентаря среднедонских курганных погребений скифского времени входили вещи престижа, местной аристократии. Прежде всего, к ним следует отнести три серебряных кубка (Частые курганы, Дуровка, Терновое-Колбино). Самый знаменитый из них с позолоченным рельефным изображением трех пар «скифов» найден в кургане 3 группы Частых 1911 г. (рис. 2, 2). Долгое время считалось, что на этом сосуде, как и на золотом кубке их кургана Куль-Оба, изображены сцены из повседневной жизни скифов. М. И. Ростовцев привел аргументы в пользу культового назначения подобных сосудов. И только в 1970 г. Д. С. Раевскому удалось доказать несомненную связь между отдельными сценами на этих кубках и убедительно дешифровать весь сюжет, наглядно передающий скифскую легенду о происхождении их царей, пересказанную Геродотом [15]. Скорее всего, он изготовлен в одной из боспорских мастерских по заказу местного правителя [13, с. 141]. Маловероятно, что столь редкое изделие случайно оказалось в одном из курганов именно в той области, где Геродот размстил гелонов. Видимо, их элита была знакома с основным скифским генеалогическим преданием, осознавала причастность своих предков к нему хотя бы потому, что в предании фигурировал ее мифологический прародитель-эпоним Гелон (рис. 2, 2а). Согласно рассказу Геродота, он был вынужден уйти из страны, доставшейся младшему брату Скифу (IV, 9–10).

Два других серебряных кубка не имели антропоморфных сюжетных сцен. Один из них найден А. И. Пузиковой в кургане 14 могильника у с. Дуровка (рис. 2, 3). По середине тулова он украшен узким фризом с изображениями гиппокампов, ныряющих

² Определения большинства амфор принадлежат С. Ю. Монахову, за что я выражаю ему свою признательность.

Рис. 2. Греческий импорт из среднедонских курганов скифского времени

рыб и уточки. Третий кубок с гладким туловом обнаружен В. И. Гуляевым в погребении 2 кургана 18 могильника Колбино 1. Сейчас в Скифии известно свыше 30 находок подобных золотых и серебряных круглодонных кубков. Безусловно, круглодонные кубки можно считать античным импортом на Средний Дон.

Помимо круглодонных кубков столовая посуда среднедонской знати включала серебряные ритоны для питья античного производства. Один найден в кургане 29/11 Масюгинского могильника вместе с бронзовой гидрией V в. до н. э., атташ которой украшен фигурой сирены (см. рис. 2, 5). Другой, более роскошный ритон из кургана 1 могильника у с. Дуровка (см. рис. 2, 4) завершался протомой барана. К античному импорту относится и бронзовая патера с маской-атташем и медальоном в центре дна сосуда из кургана 1 группы Частых [16, с. 380–403, рис. 2].

Кроме античной посуды на Средний Дон в скифское время попадали и более портативные изделия ювелирного производства: золотые серьги, украшенные фигурками пантер с подвескам-желудями (см. рис. 2, 6), серьги с подвеской в виде фигуры богини Кибелы (см. рис. 2, 7) или золотые перстни, в том числе один со вставкой скарабея из египетского фаянса с иероглифом в виде зайца [17, с. 186, рис. 18, 5], а также многочисленные ожерелья из бус.

К скифскому времени относятся первые свидетельства о появлении в нашем крае деталей античного защитного доспеха. Это шлем фракийского типа и две пары поножей из раскопок Н. Е. Макаренко 1908 г. в с. Мастюгино, в том числе с греческими граффити [18, с. 12–46]. Третья пара поножей недавно найдена в одном из курганов на р. Потудани [19, с. 47, рис. 10, 1]. Эти поножи, вероятнее всего, были не импортом в узком значении этого слова, а военными трофеями, на что как будто бы указывало граффити первого владельца поножей из Мастюгинского кургана по имени Левкон.

2. Сарматское время. Начиная с III в. до н. э. военно-политическая обстановка на Юге Восточной Европы изменилась весьма радикально, что прямо сказалось на характере и объеме торговли с Античным миром. Скорее всего, из-за вторжения новой волны кочевников-сарматов пала Скифия, которая обеспечивала стабильность и безопасность основных торговых путей. Эту ситуацию подробно описал Страбон [20, с. 468].

«Танаис течет из северных областей... однако выше устья известна только небольшая часть течения реки из-за холодов и скудости, которую местные жители могут переносить, так как они питаются мясом и молоком по обычаю кочевников, но чужеземцы не переносят ее. Кроме того, кочевники, не вступаю-

щие в общение с другими народностями и более многочисленные и могущественные, преградили доступ во все удобопроходимые места страны и в судоходные части реки» (Strabo: XI, 2. 2).

Такая нестабильная ситуация, видимо, нашла отражение в наборе немногочисленных изделий античного производства, найденных на Среднем Дону. Из Аверинского кургана происходит пара кованых котлов из листовой меди (рис. 3, 1, 2). Ранее мы датировали их более ранним временем по большому котлу [21], но оказалось, что этот тип имеет широкий диапазон бытования. Малый котел определенно принадлежит к так называемому жутовскому типу, что и заставило омолодить этот комплекс до II – начала I в. до н. э. Третий кованый котел из «клада» у с. Левая Россось (рис. 3, 3) относится к типу, появившемуся в Греции еще в VI в. до н. э. и бытующему до последней четверти IV в. до н. э. [22, с. 167–171]. Однако спустя 200–300 лет он каким-то образом оказался в составе «клада» с деталями конской упряжи и бронзовой литой пряжкой, датирующей этот комплекс не раньше начала I в. до н. э. [23, с. 20, рис. 10, 2].

Попадание аверинских и левороссошанского котлов к сарматам, скорее всего, могло произойти во время войн Митридата Великого с Римом [24, с. 747]. Среди варварских народов на его стороне сражались «савроматы царские» и «язиги» (App., Mytr.: 69). Переправившись из Азии в Европу, они могли ограбить древние святилища в Северной Греции и Македонии, а захваченные трофеи – столь необходимые при кочевом образе жизни легкие кованые котлы – привезли с собой на «родину». Таким образом, эта категория находок по своему происхождению, безусловно, античная, но не подходит под узкое определение импорта.

К раннесарматскому времени относится появление на Среднем Дону бронзовых шлемов римско-италийского производства: один найден у хут. Антиповка (рис. 3, 4), другой у с. Ездочное (рис. 3, 5). Первый входил в состав так называемого «странного» комплекса, датируемого концом II – началом I в. до н. э. [23, рис. 9, 3], хотя сам шлем изготовлен значительно раньше. Судя по всему, второй шлем датируется близким временем [25]. В Северном Причерноморье известна серия из более чем 30 находок шлемов в так называемых «странных» («ритуальных»), «воинственных» комплексах. Одни исследователи связывают распространение подобных кельто-италийских шлемов у сарматов с их активным участием в Митридатových войнах первой трети I в. до н. э. или с еще более ранним событием – войной Фарнака Понтийского 183–179 гг. до н. э. Как бы то ни было, находки римско-италийских шлемов на изучаемой территории также никак нельзя относить к античному импорту.

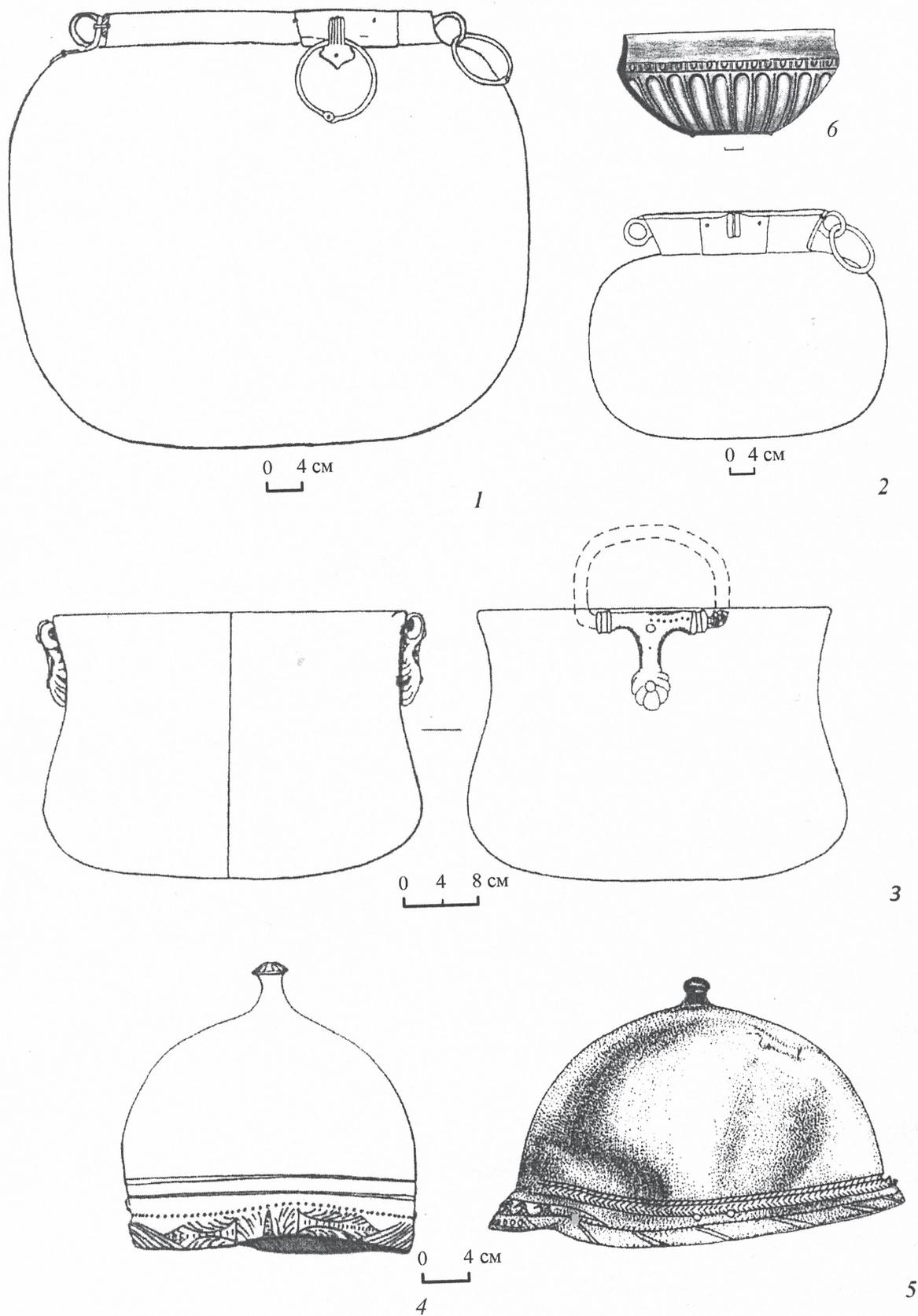

Рис. 3. Античные изделия раннесарматского времени из бронзы (1–5) и глины (6), найденные на Среднем Дону

То же самое следует сказать о находке мегарской чаши в разрушенном сарматском погребении в с. Белогорье (рис. 3, б). Она была изготовлена на Боспоре, на что указывает клеймо ΔΗΜΗΡΙΟΥ [26]. На Средний Дон чаша, скорее всего, была принесена сарматкой и отложилась в составе сопровождающего ее погребального инвентаря.

С наступлением I в. н. э. наблюдаются существенные перемены в поступлении на Среднем и Верхнем Дону изделий античного производства. Появляются новые типы металлической посуды, прежде всего, ковши. У сарматов они нередко становились частью

погребального инвентаря. В кургане № 16 могильника у с. Третьяки встречен бронзовый италийский ковш типа Eggers 140 [27, рис. 4, б]. В 2022 г. в кургане № 24 могильника Ивановка 7 обнаружен второй италийский ковш [28]. Он относится к типу Eggers 142 (рис. 4). На дне характерные рельефные концентрические круги. Ручка завершается шайбой с круглым отверстием без орнамента. Перед отверстием частично сохранилось клеймо ANSI·EPA – *Луций Ансиус Эпафродит*. Этот мастер работал, скорее всего, в Кампании примерно с 50/55 по 80 г. н. э. [29, с. 26, 31].

Рис. 4. Римский бронзовый ковш из сарматского могильника Ивановка 7

Ранние римские ковши указанных типов являлись неотъемлемой частью походного снаряжения легионеров. Но оба ковша из Среднего Прихоперья входили в состав инвентаря женских погребений, заметно выделявшихся среди остальных. В погребении кургана № 24 могильника Ивановка 7 рядом с ковшом лежал бронзовый сарматский котелок, украшенный по верху литыми фигурками стоящих оленей. Из того же погребения происходит массивная каменная растиральная плита и пест. Скорее всего, ковш, котелок, плита и пест изначально составляли комплект для каких-то действий, включавших растирание растительного материала с целью приготовления ритуального напитка. Да и в кургане № 16 могильника Третьяки вместе с ковшом найден каменный пест.

Другие виды металлической посуды в среднесарматских погребениях представлены единичными экземплярами. Среди довольно разнообразного ин-

вентаря погребения в кургане № 5 Новочигольского могильника была миска из меди с пятью концентрическими кругами с внутренней стороны [30, с. 50, рис. 34, 4], аналогичная миске из кургана № 26 могильника Высочино V на Нижнем Дону. Медный кованый котелок группы «debel» случайно найден у с. Березовка на Среднем Дону.

Керамические изделия античного производства в лесостепных среднесарматских курганах встречаются очень редко. Из погребений I Чертовицкого могильника происходит краснолаковый канфар с накладным орнаментом в стиле «барботин» (рис. 5, 1) и красноглиняный флакон с грушевидным туловом (рис. 5, 1). Фрагментированный флакон того же типа входил в состав сопровождающего инвентаря погребения кургана № 5 Новочигольского могильника. Там же найдена красноглиняная ойнохоя [30, рис. 34, б]. В курганах у с. Архиповка встречен буролокавый

Рис. 5. Керамика, детали костюма и украшения античного производства из Чертовицких могильников и городищ

кувшин с белой росписью, а также красноглиняный кувшин, украшенный по тулову тремя полосами коричневого лака [23, рис. 12, 1, 10].

Как видим, античная круговая керамика римского времени вряд ли поступала к сарматам сериями. Скорее всего, мы имеем дело с вещами, принесенными сарматами на Средний Дон и Воронеж из районов их первоначального обитания ближе к Танаису. В Верхнем Подонье известна лишь одна находка краснолакового амфориска в «княжеском» погребении I в. н. э. в Липецком кургане [там же, с. 118, рис. 78, 4] вместе с фрагментами краснолаковой и стеклянной тарелок. Весьма показательна, что в верхнедонских курганных могильниках позднесарматского времени металлическая или гончарная посуда античного производства отсутствовала.

В среднесарматских погребениях Чертовицких могильников на р. Воронеж найдена серия фибул-застежек разных типов. Их распространение указывает на появление распашной верхней одежды, которая скреплялась фибулой. Большинство бронзовых фибул являются лучковыми с подвязным приемником 1–2-го вариантов, следы их производства обнаружены в Танаисе. Одна фибула-брошь без эмали (см. рис. 5, 3) и две шарнирные римские фибулы типа «Авцисса» (см. рис. 5, 4а, б) изготовлены в западных провинциях Римской империи. В последние годы полдюжины таких фибул найдено на городищах Верхнего Дона. Сейчас находки «Авцисс» стали известны и гораздо севернее – в Поочье, Посурье, Подмосковье [31, с. 36–48]. Скорее всего, они поступали к более северным варварам по донскому пути посредством тех же сарматов из восточной части Северного Причерноморья [32, с. 343].

Как и повсюду в сарматском мире, женские погребения на Дону и Воронеже выделялись обилием украшений. Особым разнообразием отличались наборы бус из египетского фаянса в виде священных жуков-скарабеев (на обратной стороне подставки почти всегда был иероглиф в картуше), львов, лежащих на подставке, лягушек, головки младенца Гора, рифленых подвесок-амфорок и округло-ребристых бусин (см. рис. 5, 5, 10). В состав ожерелий входили мозаичные бусы многоцветного стекла (см. рис. 5, 8, 9), в том числе с пастовыми вставками в виде женских ликов (см. рис. 5, 6, 7), а также стеклянные глазчатые, с глазчато-крестовидным и спиральным орнаментом, сердоликовые, халцедоновые, гагатовые и другие (см. рис. 5, 11). В одном из погребений могильника «Сады» встречены две пронизи, изготовленные из аметистовых инталлий с изображениями Диониса и Гермеса [33, с. 238, рис. 3]. Для макияжа сарматки широко использовали не только мел, но и привозные румяна красного, пунцового и алого цвета. Их набор

находился вместе с дорогими украшениями в погребении кургана 5/40 I Чертовицкого могильника [23, рис. 23].

Прочие украшения представлены серебряным рифленным перстнем, парой золотых фигурных сережек с разноцветными стеклянными вставками (см. рис. 5, 12) и височным кольцом из золотого витого жгута, к которому припаяны золотые шарики в виде гроздей (см. рис. 5, 13). Украшения из Чертовицких курганов на р. Воронеж полностью соответствуют моде, утвердившейся в сарматском и античном мире в начале нашей эры. Скорее всего, для территории Верхнего Дона они не были античным импортом в прямом смысле этого слова, а были принесены переселившимися сюда сарматами из районов Нижнего Дона, непосредственно граничившими с античными центрами Причерноморья и Приазовья.

Итак, на материалах лесостепного Подонья выделяются несколько групп античных изделий, из которых только две – греческие амфоры и изготовленные по заказу знати серебряные сосуды для питья – можно отнести к импорту как предмету торговли эллинов с местным населением. Для сарматского времени с определенными оговорками таковыми могли быть и римские шарнирные фибулы типа «Авцисса», а также сильно профилированные фибулы причерноморских типов, представленные на Верхнем Дону значительными сериями. Другие изделия античного производства, вероятно, попадали на Средний и Верхний Дон иным путем: военные трофеи (металлические котлы), шлемы кельто-италийских типов, выданные союзникам-сарматам во время войн Митридата Великого. Третий путь попадания продукции античных центров вверх по Дону маркируют находки керамики, а также разнообразных украшений римского времени. Вряд ли последние были приобретены у греческих купцов здесь, на местных торговых путях, о которых с римского времени ничего неизвестно. Скорее всего, они попали на Средний и Верхний Дон вместе с их владельцами, проще говоря, были принесены ими на себе как личные вещи и украшения в процессе миграций или перекочевок из степей Нижнего Дона. Там были эмпории вроде Танаиса (Strabo, Geogr.: XI. 2. 3), куда поступали разнообразные товары из различных областей Античного мира в обмен на продукцию местных кочевников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / отв. ред. К. К. Марченко. – СПб. : Алетей, 2005. – 463 с.
2. Доватур А. И. Народы нашей страны в «Истории» Геродота / А. И. Доватур, Д. П. Каллистов, И. А. Шишова. – М. : Наука, 1982. – 455 с.

3. Граков Б. Н. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволж्या́м і Приуралля́м в архаїчну і класичну епохи? / Б. Н. Граков // Археологія. – 1947. – Т. 1. – С. 23–38.
4. Скржинская М. В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье / М. В. Скржинская. – Киев : Наукова думка, 1991. – 197 с.
5. Медведев А. П. Ольвийские торговые пути и степень достоверности этногеографических данных Геродота / А. П. Медведев // Археологія. – 1994. – № 4. – С. 24–29.
6. Островерхов А. С. Ольвия и торговые пути Скифии / А. С. Островерхов // Древности Северо-Западного Причерноморья. – Киев : Наукова думка, 1981. – С. 90–91.
7. Членова Н. Л. Предыстория «торгового пути Геродота» / Н. Л. Членова // СА. – 1983. – № 1. – С. 47–66.
8. Кузнецова Т. М. Торговые или священные пути греков? / Т. М. Кузнецова // Проблемы скифо-сарматской археологии. – М., 1990. – С. 82–97.
9. Медведев А. П. Античный импорт в варварском мире : опыт классификации по происхождению (на материалах из курганов лесостепного Дона / А. П. Медведев // От Кавказа до Дуная : Северное Причерноморье в античную эпоху : сб. науч. тр. к 70-летию профессора С. Ю. Монахова. – Саратов : Амирит, 2022. – С. 344–353.
10. Безматерных А. Е. Античные амфоры из курганов скифского времени лесостепного Дона / А. Е. Безматерных // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму / ред. Г. М. Тошев. – Т. XI. – Запоріжжя, 2004. – С. 19–23.
11. Медведев А. П. Раскопки Староживотинного могильника скифского времени / А. П. Медведев // Верхнедонской археологический сборник. – Вып. 2. – Липецк, 2001. – С. 4–14.
12. Разуваев Ю. Д. Античный керамический импорт на поселениях скифского времени в Донской лесостепи : картографическое исследование / Ю. Д. Разуваев // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Религиоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 2. – С. 15–24.
13. Медведев А. П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. / А. П. Медведев. – М. : Наука, 1999. – 160 с.
14. Марченко К. К. Елизаветовское городище на Дону / К. К. Марченко, В. Г. Житников, В. П. Копылов. – М. : ИА РАН, 2000. – 281 с.
15. Раевский Д. С. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея / Д. С. Раевский // СА. – 1970. – № 3. – С. 70–83.
16. Трейстер М. В. Македонская (фракийская) патера из кургана № 1/1910 группы «Частые курганы» на Среднем Дону / М. Ю. Трейстер // Материалы по археологии и истории Античного и Средневекового Причерноморья. Вып. 13. – Нижневартовск, 2021. – С. 380–403.
17. Пузикова А. И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов) / А. И. Пузикова. – М. : Индрик, 2001. – 272 с.
18. Манцевич А. П. Мастюгинские курганы по материалам собрания Государственного Эрмитажа / А. П. Манцевич // АСГЭ. – 1973. – № 15. – С. 12–46.
19. Гуляев В. И. Новый памятник скифского времени на Среднем Дону / В. И. Гуляев, Е. И. Савченко // Тр. Донской (Потуданской) археол. экспедиции ИА РАН 2001–2003 гг. – М. : ИА РАН, 2004. – № 1. – С. 35–52.
20. Страбон. География : в 17 кн. / Страбон ; пер., вступ. ст. и коммент. Г. А. Стратановского. – М., 1994. – 943 с.
21. Медведев А. П. Медные клепаные котлы из Аверинского кургана на Среднем Дону / А. П. Медведев // Античная цивилизация и варварский мир : тез. научно-го семинара / отв. ред. Б. А. Раев. – Новочеркасск, 1996. – С. 160–164.
22. Трейстер М. Ю. Импортные бронзовые кованые котлы Азиатской Сарматии / М. Ю. Трейстер // Scripta antiqua. Альманах. Т. 8. – М., 2019. – С. 147–207.
23. Медведев А. П. Сарматы в верховьях Танаиса / А. П. Медведев. – М. : Таус, 2008. – 252 с.
24. Аппиан. Римские войны / Аппиан. – СПб. : Алтейя, 1994. – 782 с.
25. Ворошилов А. Н. Новые находки античных шлемов на северной периферии сарматского мира / А. Н. Ворошилов // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. – Москва ; Киев, 2010. – С. 267–269.
26. Березуцкий В. Д. Раннесарматское погребение с мегарской чашей на Среднем Дону / В. Д. Березуцкий, А. В. Кравец // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2016. – № 2. – С. 26–29.
27. Ефимов К. Ю. Сарматские курганы в могильнике у с. Третьяки / К. Ю. Ефимов // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. : сб. науч. ст. – Воронеж, 1998. – Вып. 12. – С. 19–35.
28. Медведев А. П. Сарматское элитарное погребение из Среднего Прихоперья / А. П. Медведев // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур. Материалы XI Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной памяти А. С. Скрипкина / отв. ред. М. В. Кривошеев. – Волгоград : ВолГУ, 2023. – С. 207–216.
29. Трейстер М. Ю. Римские бронзовые ковши из погребений кочевников Азиатской Сарматии / М. Ю. Трейстер // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2020. – № 2 (68). – С. 5–60.
30. Березуцкий В. Д. Новочигольские курганы / В. Д. Березуцкий. – Воронеж : Научная книга, 2021. – 224 с.
31. Ахмедов И. Р. Фибулы «AVCISSA» в Посурье и Поочье / И. Р. Ахмедов // История вещей – история и

вещи / отв. ред. А. М. Обломский. – М. : ИА РАН, 2020. – С. 36–48. – (Раннеславянский мир. – Вып. 20).

32. *Кропотов В. В.* Фибулы сарматской эпохи / В. В. Кропотов. – Киев : АДЕФ-Украина, 2010. – 384 с.

33. *Разуваев Ю. Д.* Курган I в. у южной окраины г. Воронежа / Ю. Д. Разуваев // СА. – 1992. – № 1. – С. 234–239.

*Воронежский государственный университет
Медведев А. П., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и истории древнего мира
E-mail: APM1950@yandex.ru*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

ВолГУ – Волгоградский государственный университет

ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук

СА – Советская археология

Eggers – *Eggers H. J.* Der römische Import im freien Germanien (Atlas der Urgeschichte. Bd. 1) / H. J. Eggers. – Hamburg, 1951. – 212 s.

*Voronezh State University
Medvedev A. P., Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Archaeology and Ancient History Department
E-mail: APM1950@yandex.ru*